

Леонид Иванович Добычин

Шуркина родня

Леонид Иванович Добычин

Шуркина родня

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=174115

Город Эн: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24475-1

Аннотация

«Телега со скарбом подъехала к домику. Он был бревенчатый, обитый железом. К дороге он был обращен тремя окнами. Дверь и два окна были сзади. Двор не был ничем огорожен.

Хозяйка, которая шла за телегой, шагнула еще раз и, очутясь рядом с возом, ссадила с него шестилетнюю девочку и мальчугана лет трех. Шурка, средний, сам спрыгнул...»

Содержание

1	4
2	9
3	14
4	19
5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонид Иванович Добычин

Шуркина родня

1

Телега со скарбом подъехала к домику. Он был бревенчатый, обитый железом. К дороге он был обращен тремя окнами. Дверь и два окна были сзади. Двор не был ничем огорожен.

Хозяйка, которая шла за телегой, шагнула еще раз и, очутившись рядом с возом, ссадила с него шестилетнюю девочку и мальчугана лет трех. Шурка, средний, сам спрыгнул.

Явились мальчишки откуда-то, расположились и стали глазеть. На крылечках двух соседних домов появилось по женщине.

– Сбегайте, кто-нибудь, дети, – сказала приезжая, – и попросите сюда господина Акимочкина.

Дожидааясь его, она села с детьми на завалинку. Возчик отвязал от телеги ведерко. Достав из колодца воды, он дал лошади пить. Он свернул «козью ножку». Махоркой завоняло в свежем воздухе.

Пыльные, из придорожной канавы торчали репейники. Поле с коротенькой бурой щетиной тянулось до леса. Местами оно было серое от паутины. Казалось, что на нем лежит

иней.

Лес был верстах в трех с половиной. Недавно за него село солнце, и небо над ним еще было слегка желтоватое.

Виден был верх колокольни за лесом, и крест одним краем блестел на ней. Черная, около колокольни видна была узенькая заводская труба.

Разрезая лес вдоль, показался вдруг и стал быстро бежать белый дым. Поезд вынесся и застучал, приближаясь.

Извозчик сказал, что дорога, по которой идет этот поезд, зовется здесь «веткой», а сам этот поезд «кукушкой». Он возит со станции к сахарному.

Мальчуганы, ходившие за господином Акимочкиным, прибежали, и скоро стал виден он сам.

Он шагал, держась прямо. Он был невысокий и черный, с железнодорожными пуговицами.

Дойдя, он приставил одну свою ногу к другой, как солдат. – Добрый вечер, – сказал он.

Посылавшая за ним женщина встала. Он был ее брат. У обоих у них были красные щеки, срастающиеся на переносице брови, рот, в углах загнутый кверху.

Акимочкин отворил принесенным с собой ключом двери, и в дом внесли вещи.

В нем были две комнаты: «кухня» и «зал». Стены зала побелены были мелом. Пол в нем был дощатый, покрашенный. Дети, восхищенные, стали валяться.

Их мать, отвернувшись, достала платок из-за пазухи и,

развязав его, вынула деньги и расплатилась с извозчиком.

Он постоял и спросил, нет ли «синенького», и ему нацедили в стакан через корку.

Потом нацедили себе, и Акимочкин, опрокинув, пошел.

— Ну, пока поживите, — сказал он, как будто бы этот дом был его.

На пороге столкнулась с ним гостья, толстуха, кума, машинистиха, родом литовка. Она была низенькая и пыхтела. Одета она была в пышное платье с прошивками.

Нацеловавшись, она пощипала детей, и хозяйка, цедя через хлеб, налила ей полчашки. Она проглотила. Лицо у нее стало масляным.

Обе довольные, они напоили детей кипятком и, постлав на полу, уложили их. Вбили три гвоздика в разных местах и повесили зеркальце в рамке, иконку и лампочку без абажура, к которой был сзади приделан рефлекторчик из гофрированной жести.

Потом ее сняли, зажгли, осмотрели при ее свете кровать и, обмыв ее и протерев керосином, расставили.

Гостья затем пожелала помочь еще разобрать сундучок. Он обит был брусничного цвета слюдой и полосками жести. Замок у него открывался с секретом.

Когда дошло дело до двух фотографий, она поднесла их к огню и одну за другой, отдаляя от глаз и опять приближая к глазам, с интересом рассматривала.

На одной была надпись «На память о браке моем сочета-

нии», а на другой «В день отъезда на фронт».

Похвалив их за сходство, литовка, печальная, потрясла головой и вздохнула.

– А если бы, – предположила она, – он служил на железной, его бы не взяли.

Хозяйка опустилась тогда на кровать. Там она, утираясь платочком с деньгами, повсхлипывала.

Она стала потом проклинать генеральшу Канатчикову, у которой в имении ее муж состоял в писарях.

– Не наймись он туда, – говорила она, – он бы, может быть, был на железной.

Расстроенная, она процедила оставшийся синенький и допила его с гостьей. Их души раскрылись, и женщины пододвинулись ближе друг к другу.

Они улыбались приятно и слушали, как в другом конце комнаты дети сопят.

– Нет, – задумчивая, глядя в сторону лампочки, заговорила мечтательно гостья: – Что-что, а железнодорожное дело – святое. Какое подспорье, что служащим предоставляют хотя бы, например, даровые билеты.

Счастливая, стала она вспоминать, как в Аральске она была за усачом, а в Иркутске – за хлебом. В Крым съездила и посмотрела на Черное море. Из Тулы неделю назад привезла самовар, а теперь собирается в Сызрань за яблоками.

Уходя, она вдруг повернулась. Борясь с нерешительностью, потупляющаяся и доброжелательная, она остановилась

в дверях.

– И не трудно вам так, – сострадающая, проникательно глядя, спросила она, – как вдове, без мужчины?

2

Поев привезенного вчера с собой хлеба, все вышли на улицу. Мать заперла на ключ дом и отправилась, приказав дожидаться ее и никуда не ходить, на базар.

Дети радовались, что остались одни на свободе. Они покричали «кукушке» «ку-ку» и, дразня ее, стали скакать и плясать. Повалясь на дорогу, они хохотали. Потом они стали вздывать пыль ногами. Набрав ее в горсти, они ее сыпали себе на голову.

Из соседнего дома к ним вышел мальчишка в поярковой шляпе. Они окружили его. Он сказал, что отец у него земледелец, Василий Иванович, и что с другой стороны, где на крыше стоит жестяной петушок, живет «главный». Когда ему нужно на станцию вечером, он зажигает фонарь и несет в руке. Дочери его, девке, пять лет, и ее зовут Манькой. Жена его один раз отхватила себе дверью пол-уха. Работу у него в доме делает теща. Индюшек он держит зимой в утеплённом сарайчике. В поле их водит пастись сучка Джек.

Он сыграл на сопелке, достав ее из-за рубахи, и спел интересную песенку. Дети такой не слышали до этого:

Пора бабушке вставать.
Накормила,
На дубочек посадила.

Дуб, сломися,
Другой, народися.
Татарки,
Хохлушки,
Берите по палке
Там мост мостять.
Там жеребцов крестять.

Он рассказал им еще, что его зовут Яшкою, и что из мест, где война, едут беженцы, и что когда они будут здесь жить, то парнишка их будет ходить к нему.

Многое из того, что он тут говорил, сразу же и подтвердилось. Индюшка прошла с индюшатами, сопровождаемая сучкой. К изгороди подбежала из сада девчонка. Старуха, поставив ведро, догнала ее и оттащила, схватив за подол.

– Говорил я, – сказал тогда Яшка, и слушатели, изумленные, захохотали.

Их мать в это время шагала, помахивая на себя для прохлады платочком. Она краем глаза поглядывала на свое отражение в окнах. На ней была черная кружевная косынка и бусы из коралловых шариков. Юбка и кофта на ней были синие, новенькие, еще ни разу не стиранные и блестящие.

Улицы не изменились с тех пор, как она, еще маленькая, приходила сюда из деревни.

По-прежнему чередовались с заборами одноэтажные домики, были видны впереди каланча и украшенная синей маковкой и золоченым крестом колокольня.

На тех же местах были «Чайная», «Зало для стрижки», «Плиссе и гофре», и такие же толстые люди смотрели с портретиков, вставленных за стеклом у фотографа.

Так же, как и в то время, пыля на ходу, в камилавке и в валенках, брел без дороги отец Михаил и раскачивался, как медведь в балагане на ярмарке.

– Дунька Акимочкина, – узнавали ее и подходили к ней люди. Другие, воспитанные, говорили ей так: – Евдокия Матвеевна.

Все ее знали девчонкой еще, и никто ее не называл по фамилии мужа – Гребенщиковой.

Ей рассказывали между прочим, присев к ней на лавку, что Ванька Акимочкин, брат ее, в Преображение был пьян. Он хвалился у церкви и возле ларьков против станции, что он может Дуньку впустить, может выгнать, что дом не ее, а его, потому что он сам его ставил.

Взволнованная, она всем возражала на этом, что муж ее несколько лет понемногу давал Ваньке денежки, чтобы он закупал не спеша матерьял, и что Ванька сам строил, так это потому, что он плотник (железнодорожником сделался только во время войны), и за это ему шла часть платы, которую получали от Губочкиных, квартирантов.

– Вам надо управы искать на него, – говорили ей. – Надо бумагу составить: «До слуха до моего, мол, дошло» и – подать куда следует.

Несколько дрог на железном ходу, запряженных лошадей

ками, к мордам которых подвешены были дерюжные торбы, стояло у почты. Под липой сидели на пыльной траве их хозяева и бормотали, читая в тени «донесения главнокомандующего».

Гончарных дел мастер дед Мандриков тоже был здесь. Он жил в той же деревне, где жил и Авдотьин отец, и Авдотья обрадовалась.

– Дед, – сказала она, подходя, – вам богатому быть: не узнала я вас. Извините меня уж.

Она посмеялась немножечко и подала деду руку. Свой воз он оставил у Бондарихи, на заезде. Авдотья его проводила туда.

– Мне и детям моим, – говорила она, – угрожает опасность. Пускай бы папаня заехал сюда. Я сама бы слетала к нему, но нельзя: не с кем бросить детей.

Деду Мандрикову было очень приятно с ней. Он улыбался и был обходителен. Он подарил ей газету.

– Газета сегодня, – сказал он ей, – не лишена интереса: мы что-то около ста человек взяли в плен.

Ей пришло тогда в голову, что хорошо бы дать знать про все мужу. Она завернула на почту, купила конверт, лист бумаги. Почтмейстер пожаловался ей, что, вот, завели эти новые марки и руки с трудом поднимаются, чтобы класть штемпель на царский портрет.

«Благоверный супруг мой, – писала она, когда дети ее улеглись, – я одна без вас. Люди жалеют меня и говорят мне,

что я — как вдова».

От письма она с лампочкой переходила к простенку, где было повешено зеркальце, и, посмотрясь, возвращалась.

Она написала про Ваньку и больше всего — про хорошую смерть квартирантки их, Губочкиной: как она обошла всех знакомых и всем говорила: «А знаете, я ведь сегодня умру», а вернувшись — переоделась, легла и послала за батюшкой. Губочкину без нее не хотелось здесь жить. После похорон он собрался и уехал в Самару.

Авдотьин отец подкатил к дому вечером двадцать девятого августа, в день «усекновения». Завтра у Шурки должны были быть именины, и деда просили остаться.

– Есть синенький-то? – спросил он, выпряг мерина и поместил его на ночь в конюшне у отца Яшки, Василия.

Дед был костлявый, борода у него была серенькая, стрижен он был под горшок. Он ходил в картузе и клеенчатой куртке.

Он снял сапоги и остался босой. Чтобы дети не трогали вожжи и кнут, он их спрятал на печку.

На улице было тепло, и Авдотья с отцом, выпив синенького и задув в доме лампочку, вышли во двор. Они сели на дроги и, скрючась, беседовали.

Подымался и утихал лай собак. То далёко, то близко гудели иногда паровозы. «Кукушка», проносясь то туда, то назад, тархтела.

В конюшне Василия лошади переступали. Звезда иногда отрывалась и падала.

Дочь рассказала отцу, как, съезжая со двора генеральши Канатчиковой, продала свою Катьку, корову, и как трудно жить. Рассказала про Ваньку.

Отец был красильщик и возчик. Он красил холсты в деревнях и возил бревна к пристаням.

– Слушай, – сказала Авдотья и высчитала, что, живя возле станции, он бы мог целиком перейти на извоз.

Они долго прикидывали, и уже петухи прокричали, когда они договорились, что дед переедет сюда.

Возбужденные, они наконец вошли в дом и прикончили синенькое, припасенное к завтрашнему именинному дню.

Под Воздвижение дед переехал. На дрогах привез утром скарб, выпряг мерина и поскакал на нем за тарантасом и бабкой.

Она была низенькая, в ватной кофте, сужавшейся в талии, в черном, с горошинками, сарафане и в красных сапожках. Она перекрестилась, войдя, и, сняв пестрый платок, осталась в сатиновом черном чепце.

Дед и бабка устроились в кухне. Кровать у них была деревянная, и нарисованы были на ней два кувшина и лев между ними.

В сенях дед развесил парадную сбрую. Она была с бляхами. Шурке при этом он дал держать вожжи. Они были вязаные, шерстяные, зеленые.

Бабушка была из староверок. Иконы у нее были черные. В угол она поместила Иисуса Христа, а по бокам – Богородицу и Иоанна Предтечу. Он был страшный, с крыльями, с чашей, а в чаше у него был ребеночек.

Перед иконами бабка прибила к стенам треугольную полочку и прикрепила к ней ситцевую пелену, а на полку поставила круглую штучку с отверстиями и сказала, что это –

кадильница.

Стали жить. Дед поставил плетень перед домом, построил сарай, навозил дров, картошки, набил сеновал.

Иногда он в свободное время решал почитать и, открыв сундучок, доставал из него очень толстую книгу, которая называлась так: «Правда дороже, чем золото».

Весь сундучок изнутри был оклеен картинками, и из него соблазнительно пахло. Для запаха дед в нем держал десять черных стручков. Говоря о них, он называл их «рожками».

Дед клал эту книгу на стол, придвигал табуретку. Очки у него были связаны сзади веревочкой. Он надевал их и начинал читать вслух.

Когда он сел читать в первый раз, все явились, заинтересованные, и расположились вокруг.

– Вот, – сказал он и прочел, что «не должно избегать встреч со священником».

– Некоторые, – читал он, – считают, что встречи сии предвещают несчастье. Но мысль сия внушена самим дияволом.

Знатный московский купец, выйдя из дому, встретил в дверях поспешавшего на урок к его детям законоучителя и обратился назад.

– Не страшитесь, – ободрил его иерей, – но идите, и я говорю вам, что вы получите прибыль.

И что же? Купец торговал в этот день с такой выгодой, как никогда.

На Кавказе один суеверный полковник, идя в поход,

встретился с шедшим домой по совершении некоей требы пресвитером и приказал своим воинам плюнуть. И тут же настигла его мусульманская пуля, и он испустил вскоре дух.

– Это верно, – сказала Авдотья. Ей вспомнилась встреча с отцом Михаилом и после него – с дедом Мандриковым. – Иногда и священника встретить – не к худу.

В базарные дни заезжали иногда к деду с бабкой какие-нибудь старики из деревни. Дед Мандриков тоже заглядывал по временам и докладывал, сколько мы опять человек взяли в плен.

Иногда, когда в церкви давали «листки из Почаева», он заходил почитать их вдвоем.

Начинались морозики. Кадку с водой из сеней внесли в кухню, «зал» стали топить. Утром поле и соседние крыши совсем были белы. Плетень и примкнутый к нему рыжей цепью с замком тарантас по утрам были тоже как будто посыпаны солью.

Все меньше удавалось бывать на дворе. Было скучно. То-мась, дети часто принимались мечтать о парнишке из беженцев. Если бы он приходил к ним – как здорово было бы.

С Яшкой они теперь редко встречались. Встречаясь, справлялись, приходит ли этот парнишка к нему, но парнишка еще и к нему не ходил.

Раз вошел, постучась, сын Ивана Акимочкина Аверьян с сундучком и, поставив его, объявил, что пришел сюда жить.

– Не хочу, – сказал он, – покоряться.

Он начал ругать свою мачеху и рассказал, как она придирается, и как наушничает, и как отец его из-за нее в позапрошлом году до того избил Ньюрку, которая была тоже от первой жены, что она и сейчас еще чахнет.

— Ну что же, — сказала Авдотья, смотря на него. — Проживай себе.

Стать она стала ему на полу, там, где детям, и дети, ложась, уговаривались, если кто-нибудь ночью проснется, будить остальных, чтобы слушать всем вместе, как он интересно храпит.

Через два дня на третий он ездил на соседнюю станцию, где он работал в депо, и дежурил. Когда его не было, дети вытаскивали из кармана его праздничной куртки конверт с фотографиями, на котором напечатано было: «Секретно. Мужчинам-любителям. Жанр де Пари»,¹ и смотрели их.

¹ В парижском роде, т. е. нечто фривольное (фр.).

У земледельца Василия Ивановича были похороны. Его Яшка с парнишкой из беженцев пробовал лед на пруду. Оказалось, лед был еще слабый, и Яшка, идя впереди, провалился.

Авдотья решила пойти проводить его. Бабка ее поддерживала.

– Кого мы провожаем, – сказала она, – тот нас выйдет встречать на том свете.

Дед тоже решил идти.

– Скоро нам, – пояснил он, – придется просить господина Василия, чтобы он на зиму принял к себе тарантас.

И тогда все оделись и вышли и заперли дом на замок.

Было очень приятно на улице, тихо и солнечно. Точно весной, на дороге попрыгивали и почикивали воробыи.

Долговязый, задрав кверху голову, на квартал впереди шагнул главный. Жена семенила с ним, низенькая, и, оглядываясь, торопила девчонку, которая не поспевала.

– Рассчитывают, – сказал дед, – что весной будут брать у Василия плуг для картошки.

У станции вспомнили Ваньку, как он здесь бахвалился в Преображение, и посмеялись, а переходя через линию, глянули на устроенное между главными и запасными путями «отхожее место для пленных», и всем пришел в голову

Мандриков.

Церковь стояла среди большой площади беленькая, ее крестик блестел, и казалось, что небо, везде чуть голубенькое, над ней было совсем густо-синее.

Детям Авдотья дала по копейке для нищих, и нищие что-то пропели им и поклонились им в землю.

Ждать в церкви пришлось не особенно долго. Обедня уже отошла, началась панихида, и дела отцу Михаилу с дьячком Виноградовым было всего на каких-нибудь четверть часа.

Блестя лысиной, главный стоял впереди и крестился. Он был выше всех. А на мертвого дети старались не взглядывать. Желтый, с бумажной полоской на лбу, он пугал их. Никто не сказал бы, что он так недавно играл им на дудке и пел интересную песенку про жеребцов.

Хорошо показалось, когда опять вышли на улицу. Солнышко чуточку грело, и воздух подрагивал. В небе ни облачка не было. Кисточки ягод краснелись еще кое-где на верхушках рябин.

Подоспела литовка, кума, и, пристроясь к Авдотье, болтала.

Она сообщила, что беженцы соорудили в порожнем амбаре костельчик и там очень мило. Ей есть теперь где помолиться по-своему. Пленные тоже заходят туда. Они очень воспитанные, и заметно, что с образованием.

Вдруг она стала таинственной и, оглянувшись, спросила:
– Ну как Аверьян?

– Он такой, – ковырнув рукой в воздухе и сделав губы кружочком, сказала она, а Авдотья, отведя глаза, стала к чему-то присматриваться и спросила, какая это видна там железно-дорожная линия.

– Это, – ответил ей дед, – идет ветка на Серные воды.

Он начал рассказывать, как он возил туда лес для железнодорожного доктора Марьина, разбогатевшего тем, что он делал людей непригодными к воинской службе, и строившего в Серных водах два домика, чтобы сдавать их внаймы.

Этот день, необычно начавшийся, дед захотел и закончить по-праздничному. Когда стало темно, он зажег в кухне лампочку и, открыв сундучок, достал книгу.

Опять все пришли и уселись вокруг, чтобы слушать ее.

Дед раскрыл где пришлось и прочел им о женской неверности. Случай с Пентефрием и похотливой женой его всех позабавил, и все посмеялись над ней, что она была старенькая, а полюбила мальчишку, Авдотья же стала ее выгораживать и говорить, что ей, может быть, не было даже и тридцати еще лет.

– Ну да что там, – сказала она, поднялась, погнала детей спать, напихала белья в два котла, залила и поставила в ночь – мокнуть к завтрашней стирке.

Когда, отстиравшись, она собралась на ручей полоскать, к ней явилась литовка. Работы у нее было мало, и она могла сколько угодно расхаживать.

– В Рыме, – сказала она, входя, – быть и попа не видать.

Я ходила сейчас к мадам главной и вот зашла к вам.

Очень шумная, расцеловав надевавшую наскоро на голову поверх чепчика черный платочек с горошками бабку, она обхватила Авдотью за талию и повлекла ее в «зал».

Там она рассказала о беженцах и о приехавшем с ними прекрасном ксендзе, хорошо исповедующем, а Авдотья еще раз с ней вспомнила, как хорошо умерла квартирантка.

– А где Аверьян? – оглядев потолок, словно думала, будто он может быть там, вдруг спросила литовка.

Она захотела узнать то и се, почему он работает на другой станции, и что он делает дома.

Авдотья ответила ей, что там – «узел», проходят две разных дороги, и он – на другой, потому что на здешней – сам Ванька, и если бы тут же был и Аверьян, то это было бы слишком заметно и люди болтали бы, что вот оба они укрываются.

Дома же он очень мало бывает. Он любит играть на гармонии, а у него ее нет, и он ходит играть на чужой.

– Молодые всегда так, – сказала кума и, сжав губы, внушительная, посмотрела Авдотье в глаза.

Когда выпал уже первый снег и раскис, по грязище, ругаясь, пришла почтальонша Софроновна и принесла письмецо.

Это муж писал с фронта. Он хвастался, что не дает спуска немцам, предостерегал Дуньку от кавалеров и кланялся всем, а Ивану Акимочкину он просил передать, что, вернув-

шись, расправится с ним, как с германцем каким-нибудь.

Деду понравилось это письмо, и Авдотья ему подарила его. Он прочел его Мандрикову, когда тот завернул, и тот тоже одобрил.

У Мандрикова в этот день оказалась с собою ханжа. Все подвыпили. Дед стал плясать среди кухни, а бабка, которая не смогла встать со стула, сидела, ударяя в ладоши, раскачиваясь, и, веселая, пела:

– Танцуй, Матвей,
Не жалея лаптей.

Тут в трубе стало выть. Когда выглянули, на дворе оказалась метель, и пришлось деду Мандрикову ночевать.

Перед сном поглядели портреты царей, фотографии разных церквей, напечатанные в книге «Правда дороже, чем золото», потолковали о том, что Толстой, говорят, тоже пишет.

– Священные книги, – сказал дед Матвей, – сорок раз переписаны были, и в них получились ошибки. Там пишется о подставлении левой щеки, а Толстой отвечает на это: «Да так он тебя и совсем убьет».

Все посмеялись, а Мандриков рассказал, что есть книжка про храмы: они – свалка камня, слитие золота и серебра.

– Аверьян ужасно интересный, – удивлялись дети, когда он, подкравшись, схватывал кого-нибудь из них внезапно за подмышки и подбрасывал так высоко, что в животе щекотно становилось.

Иногда он брился, и тогда он отгонял всех, – или чинил примус. Иногда был весел, щелкал пальцами и напевал, при-топывая:

Кекуок известный
Танец повсеместный.

Часто ему снилось, что к нему подходит кто-то, наклоняется и трогает его, а он старается проснуться и не может.

Один раз после того, как он опять увидел это, дети посмеялись над ним и сказали ему, что это не сон, и что их мать на самом деле подходила к нему ночью и, присев возле него на корточки, дотрагивалась до него.

– Да, – согласилась она, – это, правда, было. Я хотела разбудить его, а то он очень уж храпел, да так и не решилась, как-то жаль стало его.

– Ну, в следующий раз решайся, не жалей, – сказал он, и она два раза после этого будила его.

Уже дело подходило к Масленице, когда в дом явился

вдруг однажды малый в серой куртке, перепачканный мукой, и подал письмецо в конвертике и сверток.

– Аверьян-Иванычу от Ольги Федоровны, – объявил он. Сверток очень хорошо был упакован, а конверт был деловой, с печатной надписью: «Колониальные товары. Ф. Суконкин».

Аверьян работал в это время. Все ехидничали и с огромным интересом дожидались его.

Вечером он прибыл, наконец-то. Он прочел письмо. Он бросил его в печку и похохотал немного.

– Влюблена и хочет познакомиться, – сказал он. Он поджег веревку спичкой и распаковал посылочку.

В ней оказалась булочка с изюмом, вроде кулича, обсахаренная, домашнего изготовления, и ликерчик в глиняной бутылочке.

– Ах, – крикнул Аверьян, схватил его и поднял всем на показ, а дед расчувствовался и сказал, что это – из за пасу.

Бабка же нюхнула бутылочку и, дернув носом, повертела головой.

– Не с приворотною ли травкой, – догадалась она.

Молча Аверьян тогда вскочил, схватил кухонный нож, резнул два раза и с куском, не надевая шапки, выбежал.

– Вот кятр, – удивился дед.

Авдотья посмеялась и, пожав плечами, убрала бумагу и веревочку.

Бумага эта оказалась объявлением – из тех, что перед

Рождеством расклеили на всех углах поселка: холодно в окопах – жертвуйте солдатам теплое белье. Пожертвования принимают доктор медицины Марьин и потомственный почетный гражданин Суконкин.

Аверьян примчался торжествующий и, в высшей степени довольный, сообщил, что добежал до главного, покликнул сучку Джека, и она не стала этой булки есть.

Тогда решили сжечь ее, чтобы ее не наглотались дети или куры, а к ликерчику присели и, отправив детей спать, распили его.

Он был запечатан, и в него подсыпать ничего нельзя было, но бабушка сообразила, что бутылочка могла быть наговорена, и, чтобы обезвредить ее, обкурила ее, положив из печки уголек в кадку. Аверьян форсил и задавался, говорил, что Ольга выдра и свои припасы понапрасну израсходовала.

Дед блаженствовал, потягивая, бабка хлопала глазами и закашливалась, а Авдотья, словно опьянела больше всех, без толку похохатывала и хватала Аверьяна за руки.

Когда же, перейдя из кухни в зал, они уселись по своим местам и начали укладываться, то она спросила, что бы он ответил, если бы не Ольга, а она любила его.

– Глупости какие, – сказал он. – Во-первых, ты мне родственная тетка, во-вторых – лет на десяток старше меня, и поэтому я не могу воспринимать подобных чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.